

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-388-407

ВОСПРИЯТИЕ ВЫСШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИЕРАРХИЕЙ САМОДЕРЖЦА КАК ГЛАВЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1905–1917 ГГ.

И.О. Мишин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
i.o.mishin@gmail.com

В статье выявляется характер восприятия русским православным епископатом в начале XX в. императора Николая II как главы Русской православной церкви и носителя определенных прав на церковную власть. Данная проблема стала в последнее время предметом острых дискуссий. Столетие Русской революции 1917 года вызвало новый интерес научной общественности к личности последнего российского императора Николая II. Такой актуализации личности императора Николая Александровича в современном информационном поле не в последнюю очередь способствовала религиозная общественность, а также некоторые политики, использующие в своей риторике промонархические и ультраконсервативные топики. К исследованию означенной проблемы был привлечен широкий круг источников, использованы дневники митрополита Арсения (Стадницкого), воспоминания протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского, а также документы других видных священнослужителей начала XX в. и их современников. Кроме того, в исследовании использованы некоторые документы из личного фонда архиепископа Никона (Рождественского), включая его письма, дневниковые записи и публичные воззвания. Также задействованы делопроизводственные документы Святейшего правительствующего синода. На основе анализа широкого круга источников устанавливается, что в начале XX в. представители высшей иерархии Русской православной церкви не оспаривали права самодержца на верховную государственную, светскую власть. С другой стороны, десаκραлизация самодержавия, катализатором которой выступил Манифест 17 октября 1905 года, вела к изменению восприятия прав самодержца на церковную власть. Если большинством представителей высшей иерархии Русской православной церкви император воспринимался не как ее (Церкви) глава, а как ктитор (патрон, покровитель), то сам Николай II воспринимал свои права на церковную власть гораздо шире. Несоответствие взглядов царя и архиепископов на эти права оттолкнуло последних от монархии в феврале 1917 года.

Ключевые слова: самодержавие, Николай II, церковная иерархия, церковная власть, Русская православная церковь

Введение

Столетие Русской революции 1917 года вызвало волну интереса научной общественности к ее событиям, а также к личности последнего российского императора Николая II. Такой актуализации личности императора Николая Александровича в современном информационном поле не в последнюю очередь способствовала религиозная общественность, а также некоторые политики, использующие в своей риторике промонархические и ультраконсервативные топики. На фоне всего этого возрастает популярность неортодоксального учения о «царе-искупителе», которое именуется его противниками как «царебожие». Данное учение извращает не только религиозное, но и историческое понимание личности Николая II, его место и роль в жизни Русской православной церкви в начале XX в.¹ В связи с этим определенным интерес представляет изучение взаимоотношений между последним русским царем и высшей иерархией Русской православной церкви, особенно в контексте событий 1905–1917 гг., когда политическая конъюнктура активно вторгалась во многие сферы общественной жизни, в том числе в церковную.

Нередко именно политическая позиция церковной иерархии в начале XX в. оказывалась в центре внимания ряда исследователей истории Русской православной церкви. Так, современный российский историк, специалист по истории религии С.Л. Фирсов, рассматривая идейные течения внутри епископата, приверженность архиереев к общественным движениям, отмечает со стороны высшего духовенства очень незначительную поддержку крайне правым движениям, а также говорит о меньшинстве, которое составляли епископы, выступавшие за либерализацию Церкви². Другой современный церковный историк, М.А. Бабкин, также отмечает неоднородность епископата в политических воззрениях после 1905 г., но далее указывает на преобладание полярных взглядов – промонархического и аполитичного, который к 1917 г. возобладал в среде иерархов³.

М.А. Бабкин рассматривает церковно-государственные отношения начала XX в. как противоборство историко-богословских категорий «священства» и «царства». Такой подход позволяет ему прийти к выводу о непосредственном участии высшей иерархии Русской православной церкви

¹ *Зыгмонт А.И.* О феномене «царебожия» в современной религиозной культуре России // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. 2012. № 11 (91). С. 138–145.

² *Фирсов С.Л.* *Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.)*. М., 2002.

³ *Бабкин М.А.* *Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.)*. Исследования и материалы. М., 2011.

в свержении царского самодержавия, однако данное заключение оспаривает Ф.А. Гайда, который обнаруживает слабую фактологическую опору и логические противоречия в выводах М.А. Бабкина. Анализируя, в частности, утверждение М.А. Бабкина об участии членов Синода в антимонархическом заговоре, Ф.А. Гайда обращает внимание на то, что доказательством причастности высшего духовенства к кругу злоумышленников для М.А. Бабкина является намерение заговорщиков-либералов (все – светские лица) заточить императрицу Александру Федоровну в монастырь⁴.

Проблематика конфликта высшего духовенства, с одной стороны, и царской четы с их «другом», тобольским «старцем» Г.Е. Распутиным, с другой, затронута в работах религиоведа Л.А. Андреевой. Опираясь на переписку Николая II и императрицы Александры Федоровны, а также на воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего синода (в 1916–1917 гг.), князя Н.Д. Жевахова, Л.А. Андреева уделяет большое внимание оценке личности последнего российского самодержца и (хотя и в меньшей степени) его супруги. Изучая причины крушения церковно-государственного союза в 1917 г., Л.А. Андреева указывает на то, что православие за несколько веков переродилось в «цареславие», произошло «самопревознесение» царской власти над церковью⁵.

Попыткой глубокого анализа взаимоотношений между российским императором и высшей иерархией Русской православной церкви в начале XX в. представляются работы специалиста по истории церкви Ю.И. Белоноговой. В данном случае историк сосредоточила свое внимание на Тобольско-Варнавинском деле, отражавшем конфликт членов Святейшего синода с самодержцем, но предшествующие события остались практически нераскрыты автором⁶.

⁴ Бабкин М.А. Священство и Царство...; Гайда Ф.А. Священство и царство в жанре фэнтези (Рец. на кн.: Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. № 54. С. 131–143.

⁵ Андреева Л.А. Свержение монархии в 1917 году: крушение Трона и Алтаря // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 90–99; Она же. Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001.

⁶ Белоногова Ю.И. Отношения иерархов Русской Православной Церкви и государственной власти в начале XX в. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Материалы. М., 2002. С. 138–146; Она же. Отношения императора Николая II и иерархов Русской православной церкви (по дневнику митрополита Арсения Стадницкого.) // Приглашение к истории: Сб. ст. М., 2003. С. 196–208.

Среди работ зарубежных исследователей, в которых затрагивается тема означенных взаимоотношений, следует выделить статью видного американского историка Г. Фриза и монографию его соотечественника, профессора Колумбийского университета Р. Уортмана. Если первый помещает в центр своего анализа не воззрения духовной и верховной светской власти, а влиявшую на них канонизационную политику последнего царя, то второй основное внимание уделяет лишь позиции Николая II и его жены, императрицы Александры Федоровны, по отношению к «народному» и «официальному», ортодоксальному православию. Реакция представителей высшего духовенства на проводимые царской четой поиски «личной мистической веры», на сближения Николая II с «народным» православием отходит в труде Р. Уортмана на второй-третий план⁷.

Несмотря на высокую степень научной разработанности в отечественной и зарубежной историографии проблемы политических взглядов представителей высшей иерархии Русской православной церкви в начале XX в. и его взаимоотношений с императором Николаем II, остается слабо изученным ключевой вопрос – как высшей иерархией Русской православной церкви в начале XX в. воспринималась личность Николая II как носителя определенных прав на церковную власть? Предпринятый в настоящем исследовании поиск ответа на поставленный вопрос обуславливает его новизну.

На основе документов личного происхождения (дневников, мемуарной литературы, эпистолярного материала, в том числе хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), а также иных источников, автором настоящей статьи была предпринята попытка определить характер восприятия высшей церковной иерархией личности императора Николая II как главы Русской православной церкви в период с 1905–1917 гг.

Верноподданнические настроения представителей высшей церковной иерархии

С середины XIX в. внутри Русской православной церкви постепенно развивается комплекс политических идеалов, в основе которых лежало понятие «соборность», зарождается идеология восстановления патриаршества и преодоления государственного диктата в церковных делах, что

⁷ Фриз Г.Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 107–115; Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004.

обуславливало отход представителей высшей церковной иерархии от самодержавной политической культуры⁸. Вместе с тем, по мнению С.Л. Фирсова, Церковь воспринимала как норму опеку над собой конфессионально-ориентированной имперской власти, полагая, что восстановление канонического церковного управления возможно при сохранении церковно-государственного союза, хотя и реформированного. Признание Святейшим синодом манифеста «17 октября», как считает историк, подтвердило преданность духовных властей монарху⁹.

Вот как в синодальном воззвании оценивается издание императором Николаем II этого манифеста: «Велик дар сей, который не в долгом времени воспримет народ по мере постепенного, но неукоснительного осуществления подлежащею властью воли Царской. Примите же его с молитвой, в радости и благодарении Господу, щедрому Подателю всяких благ»¹⁰.

Однако данное воззвание встретило неоднозначную реакцию со стороны некоторых мирян. Так, некий Л. Аксенов в письме Псковскому епископу Арсению (Станицкому) пишет: «Блюстители, в глазах общества, идеалов чести и честности, целые века и 9 месяцев еще назад с несомненною искренностью отстаивавшие самодержавие в качестве *ultima ratio*¹¹ государственной жизни, будто бы не лицемерят, когда конституируют, благовременность введения у нас конституционных порядков»¹².

Мнение самого епископа Арсения о переменах в государственной жизни содержится в его дневниках, которые ценны для настоящего исследования тем, что Арсений (Стадницкий) в дальнейшем станет одним из видных церковных иерархов, членом Святейшего синода (с 1906 по 1917 гг.) и Государственного совета (с 1907 г.), а в 1910 г. займет почетную Новгородскую кафедру. В его дневниковых записях зафиксирована не только собственная позиция, но и мнение других архиереев, описана внутренняя жизнь духовной власти, ее общение с верховной государственной властью.

В дневниковой записи от 18 октября 1905 года Арсений (Стадницкий) сообщает: «Итак в России – *конституция*. Самодержавие – теперь исто-

⁸ Фриз Г.Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 107–115; Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ: церковные реформы в России 1860–1870-х гг. М., 1999 и др.

⁹ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен...

¹⁰ Церковные Ведомости. 1905. № 44. С. 489.

¹¹ Последнего довода (лат.).

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 217. Л. 2–2об.

рический титул»¹³. Далее, в записи от 21 октября, отмечается, что «неправильно именовать его [Государя. – *И.М.*] Самодержцем»¹⁴.

С другой стороны, в записи от 9 марта 1906 года Арсений (Стадницкий) называет «величайшей бестактностью» поступок ректора Петербургской духовной академии, епископа Сергия (Тихомирова), «отслужившего по “требованию” студентов панихиду по казненном бунтовщике Шмидте»¹⁵.

Такое резонансное событие, как панихида по революционеру, одному из руководителей Севастопольского восстания 1905 г., должно было вызвать реакцию со стороны духовных властей и, в первую очередь, со стороны первоприсутствующего члена Святейшего синода, Петербургского митрополита Антония (Вадковского). Его позиция важна для настоящего исследования не только из-за того положения, которое занимал митрополит Антоний в Синоде, но и из-за его вклада в церковную и государственную жизнь в начале XX в. Как справедливо замечает С.Л. Фирсов, с именем Антония (Вадковского) связаны все основные события «церковной революции» 1905 г., когда Русская православная церковь была очень близка к своему преобразованию на началах соборности, а петровская синодальная система – к своей ликвидации, что не могло не отразиться на всем государственном механизме Российской империи¹⁶.

В своем дневнике Арсений (Стадницкий) обращает внимание на отсутствие какой-либо реакции по этому происшествию со стороны митрополита Антония (Вадковского)¹⁷. Молчание Синода относительно проведенной панихиды по П.П. Шмидту также отмечала и пресса¹⁸. И действительно, как выяснилось на синодальном заседании от 23 марта 1906 г., митрополит Антоний (Вадковский) сознательно замалчивал данное происшествие, чтобы оно не «просочилось» в печать¹⁹. Также Арсений (Стадницкий), описывая ход этого синодального заседания, сообщает, что митрополиту Антонию не хотелось постановлять какого-либо решения по означенному делу, при этом первоприсутствующий повторил, что «по отношению к Ректору он сделал свое дело, а дальше все берет на себя, и пусть его [Антония –

¹³ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 514. Л. 2 об.

¹⁴ Там же. Л. 5 об.

¹⁵ Там же. Л. 47 об.

¹⁶ *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен... С. 9.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 514. Л. 47 об.

¹⁸ Там же. Л. 18а.

¹⁹ Там же. Л. 53 об.

И.М.] судят»²⁰. В итоге, члены Синода не приняли какой-либо осуждающей резолюции и передали дело в Учебный комитет при Святейшем синоде²¹.

Позиция Петербургского митрополита по отношению к самодержавию более четко проявляется в беседе, содержащейся в дневниковых записях архиепископа Никона (Рождественского)²², где митрополит Антоний высказался в том смысле, что для него не существует такой формы государственного устройства, которая «наиболее приближается к идеалу христианского мирозерцания»²³.

С другой стороны, Арсений (Стадницкий) в дневниковой записи от 15 ноября 1906 г. сообщает о речи митрополита Антония в Синоде по поводу его отказа отслужить молебен по просьбе членов Союза русского народа и освятить их знамя. В ходе своей речи торой митрополит объясняет свое отношение к царской власти: «Есть Государь, власть которого я признаю и подчиняюсь ей... Мы обязаны подчиняться ему и молить Богу, чтобы эти предначертания [содержащиеся в Манифесте 17 октября 1905 г. – *И.М.*] были введены в жизнь ко благу народа. Если же Государь скажет, что он отменяет Свои прямые установления, то я буду повиноваться ему»²⁴. О верноподданнических чувствах Антония (Вадковского) высоко отзывался даже такой убежденный консерватор и религиозный публицист-славянофил А.А. Киреев²⁵.

Таким образом, можно предположить, что ряд представителей епископата Русской православной церкви, и в частности митрополит Антоний, не имели намерений, направленных против самодержавия как светской власти. В пользу этого, например, говорит деятельность Алексия (Молчанова), в 1905–1910 гг. – епископа Таврического и Симферопольского. В одном из своих писем к Арсению (Стадницкому) он рассказывает о том, как уволил одного псаломщика за высказывания, в которых выражалась поддержка действий социалистов в революционных событиях 1905 г.²⁶ Все тот же Арсений (Стадницкий) в своих дневниковых записях также цитиру-

²⁰ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 514. Л. 54 об.

²¹ Там же. Л. 55 об.

²² Следует отметить, что владыка Никон не называет в цитируемом источнике имени своего собеседника, однако употребляет по отношению к нему слова «В. В-ство» (ср., «Ваше Высокопреосвященство»), «владыка», «перший» (т.е. «первый», ср. «первоприсутствующий»). Это дает основание предполагать, что разговор происходил именно с митрополитом Антонием.

²³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 765. Картон. 2. (далее – К.). Д. 26. Л. 2–2 об.

²⁴ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 515. Л. 43 об.

²⁵ Дневник А.А. Киреева. 1905–1910 / Вед. ред. Е.А. Кочанова. М., 2010. С. 347.

²⁶ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 220. Л. 8 об.

ет «характерную» резолюцию епископа Алексия: «Ялтинское духовенство зломерено выдвигает фальшивые нужды, высасывая их из пальца, и играет в дудочку с врагами родины, восстало против Царя, осквернило себя грехами злобы и лукавства»²⁷.

Следует отметить и то, что в период с 1905–1917 гг. (а в некоторых случаях и в последующие годы) целый ряд архиереев Русской православной церкви поддерживали либо участвовали в той или иной степени в деятельности правомонархических (черносотенных) движений²⁸. Как утверждает Ю.И. Белоногова, подавляющее большинство представителей русского православного епископата разделяло монархические убеждения. Причем верноподданнические чувства воспитывались в архиереях с малых лет²⁹.

Необходимо также упомянуть и о реакции Синода на действия епископа Антонина (Грановского), который после издания Манифеста 17 октября опускал при поминовении императора на богослужениях титул «Самодержец Всероссийский». В отличие от панихиды по П.П. Шмидту, данный случай был предан огласке в Синоде. Члены Синода приняли четкое решение: преосвященному Антонину было сделано «братское внушение, чтобы он впредь не изменял текста поминаний»³⁰.

Вот как в разговоре с Арсением (Стадницким) описывает произошедшие события сам епископ Антонин³¹: «Справился в древних требниках, – нет самодержавного, а – благочестивейшего, благоверного. Какое нам дело до повышенности форм и разных титулов? В церкви – все равны...»³². Далее владыка Антонин сообщил, что повиновался требованию Петербургского митрополита поминать самодержца «ибо еще нет Законодательного акта, отменяющего этот титул».

Однако в декабре 1905 г. Антонин (Грановский) опубликовал в газете «Слово» статью, в которой утверждал, что неограниченная монархия – это учреждение «дьявольского происхождения»³³. Такая непримиримая позиция, естественно, вызывала недовольство со стороны царского двора, причем, как сообщают авторы фундаментального труда «Очерки по исто-

²⁷ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 514. Л. 38.

²⁸ Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Составители: А.Д. Степанов, А.А. Иванов; Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008.

²⁹ Белоногова Ю.И. Отношения иерархов... С. 140–141.

³⁰ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 514. Л. 7а.

³¹ Так как в оригинальном тексте речь преосвященного Антонина записана на т.н. «суржике» (смеси русского и украинского языков), в настоящей статье приводится перевод с сохранением (по возможности) авторского стиля.

³² ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 514. Л. 12 об.–13.

³³ Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты: (20-е – 30-е гг. XX в.): в 3 т. М., 1996. С. 28.

рии русской церковной смуты» А.Э. Краснов-Левитин и В.М. Шавров, возмущение исходило непосредственно от Николая II, который, как только восстановилась политическая стабильность в стране, лично распорядился об увольнении фрондирующего архиерея. Митрополит Антоний пытался «тормозить» его отставку³⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на определенную лояльность к самодержавию как к светской власти, первоприсутствующий член Синода при этом оспаривал у царских властей права на власть церковную. В пользу этого тезиса следует привести некоторые выводы из монографии И.К. Смолича, который считает, что с появлением Манифеста 17 октября, ограничивавшего самодержавие, в вопрос о правах императора в церковном управлении была внесена неопределенность³⁵.

«Самодержавнейший Первенец Церкви» или ктитор?

Следует привести цитату из дневника религиозного публициста-славянофила А.А. Киреева, прокомментировавшего увольнение епископа Антонина (Грановского): «Бога можно оскорблять безнаказанно, а Бога земного – нельзя»³⁶. И здесь необходимо изучить вопрос о том, воспринималось ли самодержавие высшей иерархией Русской православной церкви как церковная власть в рассматриваемый период?

Сложно спорить с выводами религиоведа Л.А. Андреевой, которая, изучая причины крушения церковно-государственного союза в 1917 г., указывает на то, что православие за несколько веков переродилось в «цареславие», произошло «самопревознесение» царской власти над церковью³⁷. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что представители высшей церковной иерархии никак не реагировали на эти тенденции.

Характерны слова последнего военного протопресвитера Г.И. Шавельского, которые он произнес при освящении Морского Никольского собора в Кронштадте в присутствии императора Николая II: «В этом величественном храме и царь земной должен чувствовать свое ничтожество

³⁴ *Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты... С. 28; *Цыпин В.А., Иннокентий (Павлов).* Антонин // *Православная энциклопедия.* М., 2001. Т. 2. С. 682–684.

³⁵ *Смолич И.К.* История Русской Церкви: 1700–1917: в 2 ч. М., 1997. С. 126.

³⁶ *Дневник А.А. Киреева...* С. 244.

³⁷ *Андреева Л.А.* Религия и власть в России...

перед Царем Небесным»³⁸. В том же контексте можно расценивать и строки из письма епископа Алексия (Бельковского) к архиепископу Никону (Рождественскому), который, поздравляя последнего с получением монаршей награды, написал: «Душевно желаю получить Вам от Царя царей и восстановления Вашего здоровья, дражайшего всяких наград»³⁹.

Некоторые священнослужители высказывали сомнения в нравственных основах современного им самодержавия петровского образца. Так, в 1906 г. архимандрит Казанского Спасо-Преображенского монастыря Андрей (Ухтомский), в недалеком будущем – видный архиерей и резкий критик синодального строя, писал в газете «Казанский Телеграф», что абсолютизм в России не имеет под собой нравственной почвы и исторически не может быть оправдан. При этом архимандрит Андрей не отрицал самодержавной власти, а разделял славянофильскую точку зрения на нее⁴⁰. Важно отметить, что сходные идеи встречаются и у архиепископа Андроника (Никольского), человека правомонархических взглядов, черносотенца, почетного председателя Новгородского и Пермского отдела Союза русского народа⁴¹.

Следует также упомянуть о том, что в 1916 г. архиепископ Андрей (Ухтомский) напечатал статью «Цезаропапизм наизнанку», в которой подверг острой критике, собственно, сам русский цезаропапизм, попытки государственной власти «вломиться в церковную жизнь». Преосвященный Андрей считал, что революция 1905–1907 гг. «уничтожила целое мировоззрение наших клерикальных ханжей [здесь и далее подчеркнуто автором настоящей статьи. – И.М.]»⁴².

Говоря об отношении представителей русского православного епископата к самодержавному цезаропапизму в начале XX в., важно рассмотреть позицию другого видного черносотенца, архиепископа Никона (Рождественского). Так, в своем послании «Готовы ли мы? (всем русским пастырям и архиереям)» он называет императора «Самодержавнейшим Первенцем Церкви»⁴³, хотя далее преосвященный Никон указывает, что

³⁸ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 62.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 765. К. 6. Д. 35. Л. 27.

⁴⁰ Алексеев И.Е. «Я пошел служить духу...» К вопросу о мировоззрении епископа Сухумского Андрея (князя Ухтомского) // Былые годы. 2010. № 1 (15). С. 27–36.

⁴¹ Андроник (Никольский). Творения. Книга I: Статьи и заметки. Тверь, 2004. С. 360–361.

⁴² Андрей (Ухтомский). Цезаропапизм наизнанку // Заволжский летописец. 1916. № 17. С. 494–497.

⁴³ Можно предположить, что архиепископ Никон, как минимум, признавал главенство самодержца над Церковью, а то и вовсе уподобляет его Христу, ведь в Священном

Главою Церкви является Иисус Христос⁴⁴. При этом владыка Никон призывает архиереев критиковать и противоречить «прямой воле Помазанника Божия... по крайней мере с тою решительностью, какой требовало бы дело»⁴⁵. Более того, в одном из писем он пишет: «Кто знает учение веры и митрополита⁴⁶, тот не скажет нелепости будто митр[полит] дал Ц[арю] Б[ожие] вседержительство»⁴⁷.

К этому следует добавить, что обер-прокурора Святейшего синода Никон (Рождественский) называет «эпитропом⁴⁸ Всероссийской Церкви»⁴⁹. Следует подчеркнуть, что главная обязанность эпитропа – исполнение воли ктитора. Эпитроп должен был поддерживать учреждения согласно воле ктитора, на средства последнего⁵⁰. Следовательно, можно предположить, что император, по логике преосвященного Никона, все-таки является не главой Церкви, а ее ктитором (патроном, покровителем).

В пользу данной гипотезы, например, указывает определение Святейшего синода от 11 января 1906 г. относительно возношения имени императора и царствующего дома при богослужениях в православных церквях Северной Америки. В означенном документе члены Синода соглашаются с

Писании сказано: «И Он есть глава тела Церкви; Он – начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство, ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное». (Кол. 1: 18–20); Здесь также необходимо процитировать сербского богослова, епископа Афанасия (Евтича), рассматривавшего святоотеческое понимание Церкви как Богочеловеческого Тела Христова: «Само собой понятно, что апостолы и пастыри Церкви совершают свое служение не от себя, но в них и через них действует Глава тела Церкви, Христос. Он как Спаситель и Апостол, и Архиерей Великий, и Пастырь Великий овец Своих (Евр. 3:1, 4:14, 13:20; ср. 1 Пет. 2:25) собирает и содержит в Себе всю благодать в Церкви и всю существующую власть, и все службы и служения в ней (Λειτουργίαι καὶ διακονίαι). Он преимущественно как Первенец и Глава тела Церкви Своей... все и во всем Первенствующий». См.: *Афанасий (Евтич)*. Эклесиология Апостола Павла. М., 2009. С. 205.

⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 765. К. 3. Д. 7. Л. 4 об.

⁴⁵ Там же. Л. 4.

⁴⁶ Скорее всего имеется в виду митрополит Филарет (Дроздов). На это указывает следующий отрывок из приведенного письма: «За великим иерархом – мыслителем Ф-м [ср. Филаретом. – И.М.] я привел подтверждение из письма великого иерарха-аскета Еп. Ф». См.: НИОР РГБ. Ф. 765. К. 5. Д. 60. Л. 78.

⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 765. К. 5. Д. 60. Л. 78.

⁴⁸ В греко-византийском праве эпитроп (ἐπίτροπος) – это управитель имуществом различных церковных учреждений, главным образом церковей и монастырей, устроенных ктиторами. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 40а. СПб., 1904. С. 928.

⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 765. К. 3. Д. 7. Л. 5 об.

⁵⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Под ред. И.Е. Андреевского. Т. 40а. ... С. 928.

мерами, предложенными Тихоном (Беллавиным), возглавлявшим в то время Алеутскую епархию, для «устранения упреков в цареславии». При этом среди указанных мер, в частности, значится «неукоснительное разъяснение прихожанам, что они молятся за Русского Царя не как за государя их, а как за Благодетеля, «христианского благочестия ревнителя, защитника и покровителя Православной Церкви»⁵¹.

О том, что император воспринимался большинством представителей высшей иерархии Русской церкви как ее (Церкви) ктитор, говорят положения «об отношении высшего правительства православной Российской Церкви к Верховной Государственной Власти», принятые в 1906 году на общем собрании Предсоборного присутствия, выработывавшего направления будущей, но так и не проведенной до падения самодержавия, церковной реформы. В означенных положениях важно выделить пункт 3, который гласит: «Православная Русская Церковь в своих внутренних делах управляется свободно своими учреждениями, под верховной защитой Государя Императора»⁵². При этом из архиереев-членов Присутствия⁵³ только Никандр (Молчанов), архиепископ Литовский и Виленский, проголосовал за изменение указанной формулировки⁵⁴.

«Распутинщина» и взаимоотношения между императором и представителями высшей церковной иерархии

Понимание прав на церковную власть самодержца у представителей высшей иерархии Церкви, с одной стороны, и у Николая II, с другой, отличалось, причем усугубляла ситуацию синодальная система, существовавшая на тот момент уже более двух столетий. Эта двухсотлетняя традиция разрушила к началу XX в. взаимопонимание между царством и священством. И если большинство архиереев воспринимало самодержца как ктитора Церкви, то сам Николай II воспринимал свои права на цер-

⁵¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 209. Д. 2267. Л. 149–152 об.

⁵² Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 2. / Гл. ред. И. Соловьев. М., 2014. С. 594.

⁵³ В заседаниях Предсоборного присутствия 1906 г. из числа высшего духовенства участвовали: митрополиты Антоний (Вадковский), Владимир (Богоявленский) и Флавиан (Городецкий); архиепископы Никандр (Молчанов), Димитрий (Ковальницкий), Иаков (Пятницкий), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский); епископы Стефан (Архангельский) и Арсений (Стадницкий). См.: Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т.2. М., 2014. С. 547.

⁵⁴ Журналы и протоколы заседаний... С. 547.

ковную власть гораздо шире. Он считал, что его власть подотчетна только Господу-Богу, что царское служение – священно и равно служению священническому⁵⁵.

Нельзя забывать и о поисках царской четой личного мистического религиозного опыта, о появлении при царском дворе таких фигур, как «монсеньор Филипп» – французский медиум и гипнотизер Филипп Низье-Вашо – и тобольский «старец» Г.Е. Распутин, что, в совокупности с десакрализацией царской власти в годы Первой русской революции и, следовательно, ускорившимся отходом Русской православной церкви от самодержавной политической культуры, привело в начале к охлаждению взаимоотношений Николая II и ряда представителей высшей церковной иерархии накануне Первой мировой войны, а затем – и к явному конфликту⁵⁶.

По мнению ряда историков, апогеем этого конфликта стало «дело» Варнавы (Накропина), епископа (с 1916 г. – архиепископа) Тобольского и Сибирского, когда тот попытался добиться канонизации митрополита Иоанна Тобольского напрямую через императора, в обход санкции Святейшего синода⁵⁷. Характерна позиция архиепископа Арсения (Стадницкого), который призывал митрополита Владимира (Богоявленского) как первоприсутствующего члена Синода показать свою церковную власть, а в случае запрещения свыше (то есть со стороны царя) – подать протест всем Синодом. Высокопреосвященный Владимир, в свою очередь, намеревался «твердо стоять в этом вопросе»⁵⁸.

Здесь важно заметить, что Владимир (Богоявленский), занявший место первоприсутствующего члена Синода, равно как и Петербургскую кафедру после смерти Антония (Вадковского) в ноябре 1912 г., был более консервативен в своих воззрениях, чем предшественник, и даже поддерживал тесные связи с Союзом русского народа.

Необходимо отметить, что конфликт подогревался и тем, что преосвященный Варнава (Накропин) считался ставленником Г.Е. Распутина, который подозревался в сектантстве⁵⁹ и разврате. Вместе с тем Г.Е. Рас-

⁵⁵ Белоногова Ю.И. Отношения императора Николая II... С. 208.

⁵⁶ Фриз Г.Л. Церковь, религия и политическая культура...; Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004.

⁵⁷ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен...; Белоногова Ю.И. Отношения императора Николая II... и др.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 519. Л. 42.

⁵⁹ Так, в 1908 г. епископом Антонием (Каржавиным) было утверждено дело Тобольской духовной консистории по обвинению Г.Е. Распутина в распространении лжеучения, подобного хлыстовскому. Более того, как сообщает С.Л. Фирсов, на основе материала,

путин полагал, что именно в «церковном вопросе» он имеет все компетенции. По мере укрепления своего положения Г.Е. Распутин стремился оказывать влияние на назначения, имевшие место в Святейшем синоде⁶⁰. Так, в дневниках Арсения (Стадницкого) сохранилось письмо архиепископа Никона (Рождественского), в котором, оценивая «дело» епископа Варнавы. Он пишет, в частности, следующее: «Страшно становится за Церковь. Хлыст (Г.Е. Распутин. – *И.М.*) руководит всем. [...] Возможно, что последует «ропуск Синода» и подбор «распутинцев»⁶¹.

Однако еще до назначения нового состава Святейшего синода Николай II, ознакомившись с представленным членами Синода докладом о неправомерных действиях Тобольского преосвященного, наложил резолюцию, в которой признается, что действия епископа Варнавы «не нарушают предначертанного Синодом порядка всероссийского церковного прославления приснопамятного святителя Иоанна Максимовича»⁶². Первенствующий член Святейшего синода митрополит Владимир (Богоявленский) был смещен с Петербургской кафедры и переведен в Киев (т.е. *de facto* – удален из столицы), а Варнава (Накропин) был возведен в сан архиепископа, что, как считает С.Л. Фирсов, «свидетельствовало о благосклонности к нему в “сферах”»⁶³. В дневниковой записи за 2–12 декабря 1915 г., упоминая о решении признать канонизацию, совершенную Тобольским преосвященным, архиепископ Арсений (Стадницкий) не без сожаления отмечает: «Итак, победа на стороне самоволия церковного, благодаря Царскому заступничеству»⁶⁴.

Однако ряд крупных представителей высшей иерархии Русской церкви и далее не оставляли попыток добиться от Николая II защиты от

имеющегося в деле об учении и деятельности Г.Е. Распутина, был составлен рапорт с отзывом инспектора местной семинарии Д.М. Березкина, в котором заключалось, что тобольский «старец» имел связи с «группой лиц, объединившихся в особое общество со своеобразным религиозно-нравственным укладом жизни, отличным от православного». Владыка Антоний согласился с приведенными доводами и утвердил данный рапорт. Однако, когда слава Г.Е. Распутина как «старца» и его влияние на высочайших особ достигло значительных размеров, означенное дело о принадлежности тобольского «старца» к хлыстовству потребовалось закрыть. См. об этом: *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 454–460.

⁶⁰ *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен... С.451.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 519. Л. 56–57 об.

⁶² Последний временщик последнего царя. (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1965. № 2. С. 108.

⁶³ *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен... С. 477.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 520. Л. 6 об.

вмешательства Г.Е. Распутина в церковные дела. Г.И. Шавельский, член Святейшего синода и протопресвитер военного и морского духовенства⁶⁵, упоминает, в частности, об одной аудиенции у императора, в беседе с которым он пытался обличить крупнейших «распутинцев» внутри высших институтов Церкви – митрополита Питирима (Окнова) и обер-прокурора Синода Н.П. Раева. Хотя Николай II и благосклонно, с пониманием отнесся к словам протопресвитера, он так ничего и не предпринял по отношению к упомянутым лицам⁶⁶.

Разочарование подавляющей части архиереев Русской православной церкви в таком бездействии ее ктитора оказало решающее значение во время революционных событий февраля–марта 1917 г. Так, на последнем при «старом порядке» заседании Святейшего синода от 26 февраля 1917 г. в ответ на предложение товарища обер-прокурора князя Н.Д. Жевахова выпустить воззвание, осуждающее нараставшие революционные события, митрополит Владимир (Богоявленский) заявил: «Это всегда так. Когда мы не нужны, тогда нас не замечают; а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью»⁶⁷. В итоге князь Жевахов не сумел найти поддержки своему предложению внутри высшего института Русской православной церкви в критический для самодержавной монархии момент.

Выводы

С середины XIX в. внутри Русской православной церкви постепенно развивается комплекс политических идеалов, в основе которых лежало понятие «соборность», зарождается идеология восстановления патриаршества и преодоления государственного диктата в церковных делах, что обуславливало отход представителей высшей церковной иерархии от самодержавной политической культуры. Как следствие – утверждение гражданских и политических свобод Высочайшим манифестом от 17 октября 1905 г. и формальное ограничение самодержавия оказали решающее влияние на восприятие частью архиереев прав царской власти.

⁶⁵ По своему рангу протопресвитер военного и морского духовенства приравнивался к сану архиепископа. Это позволяет причислить его к высшей церковной иерархии. См.: *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк, 1954. С. 27.

⁶⁶ *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера... С. 217–222.

⁶⁷ *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Т. 1. М., 1993. С. 288.

Настоящее исследование показало, что первоприсутствующий член Синода митрополит Антоний (Вадковский), несмотря на определенную лояльность к верховной светской власти, оспаривал у самодержавия права на власть церковную. Тем не менее, признание Святейшим синодом Манифеста 17 октября подтвердило преданность духовных властей монарху. В пользу наличия сильных верноподданнических чувств у представителей высшей церковной иерархии говорит и тот факт, что целый ряд архиереев Русской православной церкви поддерживали либо участвовали в той или иной степени в деятельности правомонархических (черносотенных) движений.

С другой стороны, ряд представителей епископата Русской православной церкви, и в том числе некоторые видные деятели правомонархических движений, критически относились к тенденции «самопревознесения» царской власти над церковью, перерождению православия в «цареславие». Это связано с тем, что в начале XX в. большинством представителей высшей иерархии Русской православной церкви император воспринимался не как ее (Церкви) глава, а как ктитор (патрон, покровитель).

Если большинство архиереев воспринимало самодержца как ктитора Церкви, то сам Николай II воспринимал свои права на церковную власть гораздо шире. Он считал, что его власть подотчетна только Господу-Богу, что царское служение – священно и равно служению священническому. Кроме того, появление при царском дворе такой фигуры, как тобольский «старец» Г.Е. Распутин, десакрализация царской власти в годы Первой русской революции и, следовательно, ускорившийся отход церкви от самодержавной политической культуры привели в начале к охлаждению взаимоотношений Николая II и ряда представителей высшей церковной иерархии накануне Первой мировой войны, а затем – и к конфликту, выразившемуся в «деле» Варнавы (Накропина).

Несмотря на исход этого «дела», завершившегося для «распутинцев» победой «благодаря Царскому заступничеству», ряд крупных представителей высшей иерархии Русской православной церкви и далее не оставляли попыток добиться от Николая II защиты от вмешательства Г.Е. Распутина в церковные дела, но безуспешно. Император не предпринимал никаких действий по отношению к сторонникам тобольского «старца».

Как следствие – претензии императора Николая II на свое главенство в Церкви, на полноценную церковную власть, а также неисполнение своих ктиторских обязанностей, когда в этом особенно остро нуждалась Русская православная церковь и ее высшая иерархия, оттолкнули высшее духовенство от монархии в феврале 1917 г.

Таким образом, можно сделать заключение, что изданный императором Николаем II Манифест от 17 октября 1905 г. стал своего рода катализатором десакрализации самодержавной власти, которая вела к дальнейшему изменению восприятия высшей иерархией Русской православной церкви прав российского императора на церковную власть.

© Мишин И.О., 2018

Рукопись поступила: 24 июля 2017 г.

Для цитирования: *Мишин И.О.* Восприятие высшей церковной иерархией самодержца как главы Русской православной церкви в 1905–1917 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 2. С. 388–407. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-388-407

SENIOR CHURCHMEN'S PERCEPTION OF THE AUTOCRAT AS THE HEAD OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1905–1917

Ivan O. Mishin

National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia
i.o.mishin@gmail.com

The article considers the peculiarities of the Russian Orthodox episcopate's perception of Emperor Nicholas II of Russia as the head of the Russian Orthodox Church in the early twentieth century. This issue has recently become the subject of heated discussions, inspired, on the one hand, by the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917, and, on the other hand, by the orthodox community and some politicians, manipulating the pro-monarchist and ultraconservative rhetoric. There have been used various sources in order to investigate this problem, such as the diary of Metropolitan Arsenius (Stadnitsky), the memoirs of Protopresbyter of the Military and Naval Clergy Georgy Shavel'sky, the records of other prominent clerics, and some official documents, including the Holy Synod's edicts. In addition, some sources used in the research come from the private archive of Archbishop Nikon (Rozhdestvensky), including his letters, diary records, and public appeals. Based on the analysis of the wide range of sources, it is established that at the beginning of the 20th century the Russian senior churchmen did not question the autocrat's right to secular authority. However, alongside this, in view of the Manifesto of 17 October 1905, the desacralization of the autocracy led to the change of the perception of the autocrat's

right to ecclesiastical authority. Therefore, the discrepancy of views on these rights between the tsar and bishops turned the senior churchmen away from the monarchy in February 1917.

Keywords: autocracy, Nicholas II, senior churchmen, ecclesiastical authority, Russian Orthodox Church

REFERENCES

- Alekseev, I.E. “‘Ya poshel sluzhit dukhu...’. K voprosu o mirovozzrenii episkopa Sukhumskogo Andreia (kniazia Ukhtomskogo).” [‘I went to serve the spirit...’ To the question of the worldview of Bishop Andrew of Sukhumi (Prince Ukhtomsky)] *Bylye gody*, no. 1 (2010): 27–36 (in Russian).
- Andreeva, L.A. “Sverzhenie monarkhii v 1917 godu: krushenie Trona i Altaria.” [The overthrow of the monarchy in 1917: the collapse of the Throne and the Altar] *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 3 (2009): 90–99 (in Russian).
- *Religiia i vlast v Rossii: religioznye i kvazireligioznye doktriny kak sposob legitimizatsii politicheskoi vlasti v Rossii* [Religion and power in Russia: religious and quasi-religious doctrines as a way to legitimize political power in Russia]. Moscow: NITs Ladomir Publ., 2001 (in Russian).
- Andreevskiy, I.E., ed. *Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary]. Vol. 40a. St. Petrburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron Publ., 1904 (in Russian).
- Andrei (Ukhtomskii). “Tsezaropapizm naiznanku.” [Caesaropapism inside out] *Zavolzhskii letopisets*, no. 17 (1916): 494–497 (in Russian).
- Andronik (Nikolskii). *Tvoreniia. Kniga I: Stati i zametki* [Creations. Book I: Articles and notes]. Tver: Bulat Publ., 2004 (in Russian).
- Babkin, M.A. *Sviashchenstvo i Tsarstvo (Rossiia, nachalo XX v. – 1918 g.). Issledovaniia i materialy* [Priesthood and Kingdom (Russia, beginning of 20th century – 1918). Research and materials]. Moscow: Indrik Publ., 2011 (in Russian).
- Belonogova, Yu.I. “Otnosheniia ierarkhov Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i gosudarstvennoi vlasti v nachale XX v.” [Relations between the hierarchs of the Russian Orthodox Church and state power in the early 20th century] In *Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo Instituta. Materialy*. Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii bogoslovskii institut, (2002): 138–146 (in Russian).
- “Otnosheniia imperatora Nikolaia II i ierarkhov Russkoi pravoslavnoi tserkvi (po dnevniku mitropolita Arseniia Stadnitskogo).” [Relations between emperor Nicholas II and the hierarchs of the Russian Orthodox Church (according to the diary of Metropolitan Arsenius (Stadnitsky)] In *Priglasenie k istorii: Sbornik statey*. Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii bogoslovskii institute Publ., 2003: 196–208 (in Russian).

- Bokareva, L.S. *Projects of reformation of Orthodox parish and material support of clergy in Russia in 1913–1917*. Ph.D. diss., Saint Peterburg University, 2015 (in Russian).
- Firsov, S.L. *Russkaia Tserkov nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [Russian Church on the eve of change (late 1890s – 1918)]. Moscow: Kulturnyi tsentr “Dukhovnaia biblioteka” Publ., 2002 (in Russian).
- Friz, G.L. “Tserkov, religiia i politicheskaiia kultura na zakate staroi Rossii.” [Church, religion and political culture at the sunset of old Russia] *USSR history*, no. 2 (1991): 107–115 (in Russian).
- Gaida, F.A. “Sviashchenstvo i tsarstvo v zhanre fentezi.” *Review of Priesthood and Kingdom (Russia, beginning of XX century – 1918). Research and materials*, by Babkin M.A. *St. Tikhon’s University Review. History. Russian Church History*, no 54 (2013): 131–143 (in Russian).
- Kochanova, E.A., ed. *Dnevnik A.A. Kireeva. 1905–1910* [Diary of A. A. Kireev 1905–1910]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Krasnov-Levitin, A.E., and Shavrov, V.M. *Ocherki po istorii russkoi tserkovnoi smuty: (20-e – 30-e gg. XX v.): v 3 t.* [Essays on the history of Russian Church troubles: (20-ies – 30-ies of 20th century: in 3 vol.]. Moscow: Krutitskoe patriarshee podvorie Publ., 1996 (in Russian).
- Lobanova, I.V. *Vosstanovlenie patriarshestva v vospriiatii Pravoslavnoi Ierarkhii Rossii na rubezhe 19th – 20th century*. Ph.D. diss., Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, 2006 (in Russian).
- “Poslednii vremenshchik poslednego tsaria. (Materialy Chrezvychainoi sledstvennoi komisii Vremennogo Pravitelstva o Rasputine i razlozhenii samodержaviiia).” [Temporary worker latest latest king. (Materials of the Emergency Commission of inquiry of the Provisional Government on Rasputin and the decomposition of autocracy)] *Voprosy istorii*, no. 2 (1965): 103–114. (in Russian).
- Rimskii, S.V. *Rossiiskaia tserkov v epokhu velikikh reform: tserkovnye reformy v Rossii 1860 – 1870-kh gg.* [Russian Church in the era of great reforms: Church reforms in Russia in the 1860s – 1870s]. Moscow: Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii Publ., 1999 (in Russian).
- Shavelski, G.I. *Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoi armii i flota* [Memories of the last Protopresbyter of the Russian army and Navy]. Vol. 1, 2. New-York: Izdatelstvo im. Chekhova Publ., 1954 (in Russian).
- Smolich, I.K. *Istoriia Russkoi Tserkvi: 1700–1917: v 2 ch.* [History of the Russian Church: 1700–1917: in 2 parts]. Moscow: Valaamskii monastyr Publ., 1997 (in Russian).
- Solovev, I., ed. *Zhurnaly i protokoly zasedanii vysochaishe uchrezhdennogo Predsobornogo Pristutstviia (1906 g.)* [Journals and minutes of meetings of the highest established pre-Council Presence (1906)]. Vol. 2. Moscow: Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii: Izdatelstvo Novospasskogo monastyria Publ., 2014 (in Russian).
- Stepanov, A.D, Ivanov, A.A., and Platonov, O.A., eds. *Chernaia sotnia. Istoricheskaiia entsiklopediia 1900 – 1917* [Black hundred. Historical encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2008 (in Russian).
- Tserkovnye Vedomosti*, no. 44 (1905): 489–502 (in Russian).

- Tsy-pin, V.A., and Innokentii (Pavlov). “Antonin.” *Pravoslavnaia entsiklopediya*, 682–684. Vol. 2. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr ‘Pravoslavnaia entsiklopediia’ Publ., 2001 (in Russian).
- Uortman, R. *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of power: Myth and ceremony in Russian monarchy: in 2 vol.]. Moscow: OGI Publ., 2004 (in Russian).
- Zhevakhov, N.D. *Vospominaniya tovarishcha ober-prokurora Sv. Sinoda kniazya N.D. Zhevakhova* [Memories of comrade Procurator of St. Synod of Prince N. D. Zhevakhov]. Vol. 2. Moscow: Rodnik Publ., 1993 (in Russian).
- Zygmont, A.I. “O fenomene ‘tsarebozhii’ v sovremennoj religioznoi kul’ture Rossii.” [The phenomenon of “carebare” in the contemporary religious culture of Russia] *RSUH/RGGU Bulletin*, no. 11 (2012): 138–145 (in Russian).

Archives

- Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (ORRGB) [Department of manuscripts of the Russian state library], f. 765, k. 3, 5, 6.
- Gosudarstvenny arhiv Rossiyskoy Federacii (GARF) [State archive of the Russian Federation], f. 550, op. 1, d. 220, 514, 519.
- Rossiyskiy gosudarstvenny istoricheskiy arhiv (RGIA) [The Russian state historical archive] f. 796, op. 209.

Submitted: 24 July 2017

For citation: Mishin, Ivan O. “Senior churchmen’s perception of the autocrat as the head of the Russian Orthodox Church in 1905–1917.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 2 (2018): 388–407. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-388-407